

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Norman J. Chinese. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 292 p. (Cambridge language surveys).

Монография Дж. Нормана «Китайский язык» вышла в составе кембриджских обзоров языков. Задача этой серии состоит в том, чтобы представить описания наиболее крупных языковых ареалов и языковых семей мира на основе последних достижений языкознания. «Китайский язык» — пятая монография в этой серии.

Наука о китайском языке представляет собой комплекс исследовательских дисциплин, изучающих отдельные аспекты китайского языка. Эти дисциплины различаются между собой не только предметом, но также и методом исследования. При этом большинство из этих методов весьма существенно отличается от тех, которыми пользуются исследователи других языков.

Так, например, историческая фонетика китайского языка основана не на орфографии текстов памятников истории языка, а на материалах китайской традиционной филологии: на фаньце, с помощью которых с III в. н.э. обозначалось чтение иероглифов, и на фонетических таблицах, составленных в XI—XIII вв. Изучение фонетики диалектов современного китайского языка также основывается на данных фонетических таблиц. Исследование поэтической рифмы составляет скромную часть работ по исторической фонетике языков мира. В Китае изучение рифм древнейших поэтических произведений является главным средством реконструкции вокализма древнекитайского языка. Для исследования древнекитайского консонантизма используются знаки фонетической категории китайской иероглифической письменности. Иначе говоря, на службу исторической фонетике китайского языка поставлено все, что хотя-бы как-то было связано с реальным произношением иероглифов в древности.

Эти особенности китайской филологии связывают в единое целое китайскую пись-

менность, историю китайского языка, современную и историческую диалектологию, китайскую традиционную филологию, исследования рифмы. Об этом приходится напоминать для того, чтобы представить себе значение монографии Дж. Нормана, объединяющей изложение проблем как современного китайского языка, так и разных периодов его истории, а также проблемы типологии, сравнительно-исторического изучения, письменности.

О китайском языке как о специфическом объекте языкознания было написано немало обобщающих трудов, из которых наиболее известен «Китайский язык» Б. Карлгрена, вышедший в свет в 1949 г. Сравнивая его содержание с книгой автора, можно легко представить себе достижения китайского языкознания за последние сорок лет.

Основы типологического изучения китайского языка были заложены Терье-ном Делякупри в конце прошлого века. Однако долгое время эта область китайского языкознания разрабатывалась крайне медленно. Признаки оживления появились лишь в 60-х годах. По мере расширения в Восточной Азии китайцы вступали в активное взаимодействие с народами, обитавшими на северной и южной границах их этнического ареала. Поэтому формирование диалектов китайского языка проходило в результате активных лингвистических контактов, которые в настоящее время исследуются с помощью языков сопредельных стран и малых народов Китая. Автор показывает фонетические, грамматические, лексические аспекты типологического исследования диалектов китайского языка и скромно заключает, что «потребуется более глубокое исследование таких конвергенции, пока мы не сможем подойти к выводам относительно их причин, однако географическая сопредельность представляет собой один из факторов, влияю-

ших на присутствие или отсутствие тех или иных типологических черт» (с. 12).

За последние 20 лет проведена большая работа в области сравнительно-исторического изучения сино-тибетских языков. Немалый вклад внесли сюда также и советские китайеведы. Отдавая должное этим исследованиям в целом, автор осторожно высказывается относительно места китайского языка в составе сино-тибетской семьи языков из-за того, что число этих языков велико, а степень изученности недостаточна. «Ввиду этого было бы нереально говорить, что родство китайского языка с тибето-бирманскими. Можно сформулировать с достаточной ясностью. Однако в то же время было бы ошибочно утверждать, что сравнение китайского с тибето-бирманскими языками не может быть проведено до тех пор, пока не станут известны все подробности, относящиеся к тибето-бирманским языкам (с. 16).

Историческая фонетика представляет собой методически наиболее трудную часть китайского языкознания, требующую не только от исследователя, но и от читателя знакомства с китайской традиционной филологией. Автор проявил немалое умение в отборе необходимых сведений, для того чтобы кратко и в то же время содержательно изложить основные сведения относительно источников реконструкции фонетики китайского языка прошлых эпох: фаньшэ, фонетические словари, фонетические таблицы для среднекитайского языка VI—XI вв., рифмы Шизина и фонетические части иероглифов для реконструкции древнекитайской фонетики (середина I тыс. до н.э.), словарь Чжунъюаньиньюнь для древне-мандаринской фонетики XIII в.

Автор совершенно справедливо указывает, что для реконструкции древне-мандаринской фонетики могут быть привлечены иноязычные транскрипции, из которых он рассматривает те, которые выполнены с помощью монгольской квадратной письменности пагга. Однако круг транскрипций, пригодных для реконструкции фонетики китайского языка того времени, значительно шире. Примерно к тому же времени относятся тангутская и киданьская транскрипции китайского языка. Они интересны в особенности тем, что представляют диалекты, отличающиеся от диалекта транскрипции квадратным письмом. В основе тангутской транскрипции находится один из северо-западных диалектов китайского языка, который был распространен на территории тангутского государства, а в основе киданьской — северо-восточный диалект, который использовался в киданском государстве Ляо. Поэтому китайская фонетика X—XIII вв. известна

в нескольких вариантах, из которых транскрипция квадратным письмом передает, возможно, литературную норму.

С помощью иноязычных транскрипций исследуются также и более ранние периоды развития фонетической системы китайского языка. Хорошо известны и широко использовались для реконструкции среднекитайской фонетики синоксенические транскрипции — сино-японская, сино-корейская, сино-вьетнамская. К ним примыкают уйгурские и тибетские транскрипции китайского языка, а также многочисленные китайские транскрипции санскрита IX—X вв.

В своей книге 1949 г. Б. Карлгрен уделил специальное внимание проблеме частей речи, которая, по общему мнению, является центральной для грамматики китайского языка. Его взгляд на эту проблему состоял в том, что части речи в китайском языке дифференцированы плохо, поэтому главное, что требуется иностранцу, изучающему китайский язык — это опыт, приобретаемый в результате экстенсивного чтения, чувство того, как китайцы строят свои предложения [1]. За 40 лет, прошедших с тех пор, в китайском языкознании возобладали мысль, что части речи в грамматике китайского языка дифференцированы достаточно, хотя дискуссия по поводу конкретных форм их выражения продолжается по настоящее время. При изложении грамматики китайского языка — как древнего, так и современного — автор избегает теоретических дискуссий по поводу частей речи. «При возможном отсутствии морфологии грамматические процессы в классическом китайском языке почти полностью синтаксичны. При этом деление слов на крупные парадигматические классы играет важную роль, потому что очень часто интерпретация структуры цепочки слов зависит от их принадлежности к классу» (с. 84).

Части речи в древнекитайском языке автор выделяет в целом по тем же признакам, которые предлагает С. Е. Яхонтов в своем очерке древнекитайского языка: по основному значению и синтаксической функции слов. На этот очерк он несколько раз ссылается. С. Е. Яхонтов пишет, что «древнекитайский язык резко отличается от большинства других языков тем, что основная масса слов в нем может иметь и другое необычное употребление, каждая часть речи может выполнить функции почти любого члена предложения» [2]. Автор ограничивает свое изложение этой сложной проблемы номинализацией глагола, которая имеет место всякий раз, когда глагол поставлен в синтаксическую позицию имени.

Части речи в современном китайском языке автор выделяет на основании син-

таксических свойств слов. «В дальнейшем лингвисты попытались определить части речи китайского языка на основе их синтаксического поведения, оставляя в стороне семантические соображения насколько это было возможно. Хотя результаты этой процедуры оказывались различными в зависимости от использованных критериев анализа, наблюдается достаточно высокая степень согласования между ними по меньшей мере в отношении самых больших классов слов» (с. 157). В соответствии с указанными процедурами знаменательные слова современного китайского языка делятся на шесть классов: имена, глаголы, прилагательные, числительные, счетные слова и местоимения. Однако эти классы частично пересекаются. «Как в английском, грамматические классы в китайском языке перекрывают друг друга: китайское слово *ли* может быть существительным „плуг“ или глаголом „пахать“. Значительная часть современных двусложных глаголов также может служить как существительное: *пинин* „критиковать, критика“ *цзучжи* „организовать, организация“. Такой тип пересечения классов более обычен в древнекитайском языке, чем в современном. В современной китайском таких случаев в действительности не больше чем в английском» (с. 159).

В действительности сформировать непересекающиеся лексико-грамматические категории как древнекитайского, так и современного китайского языка пока еще не удалось никому. Компромиссный взгляд на грамматические классы китайского языка состоит в том, чтобы сформировать классы чистых имен и чистых глаголов. В системе «имя-глагол» они образуют два полюса, между которыми располагаются классы слов, в различной степени совмещающие свойства тех и других. Такой подход позволяет создавать более однородные по своим функциям грамматические классы слов. Однако в предельном случае число таких классов возрастает, число их членов уменьшается. Соответственно такая классификация сама по себе теряет смысл. Поэтому для адекватной грамматики китайского языка нужно объяснить не только процедуры формирования грамматических классов слов, но процедуры переходов слов из одного класса в другой.

В настоящее время идеи лингвистической семантики позволяют внести некоторые усовершенствования в концепцию грамматических классов китайского языка, раскрыть смысл того, что С. Е. Яхонтов называет «основным значением» слова, и лучше понять механизмы перехода слова китайского языка из одного класса в другой.

Семантика является постоянной характеристикой слова как языкового знака, что не исключает синонимии и омонимии, которые составляют особое измерение семантической структуры слова. Языковой знак вообще отличается от других видов знаков особой гибкостью, которая позволяет человеку с помощью ограниченного числа лингвистических средств описать безграничный мир вне человека и внутри него. Отношения знака и его референции довольно сложны, но они отнюдь не хаотичны. Эти отношения подчинены правилам, которые изучает лингвистическая семантика. Среди этих правил одним из наиболее важных является такое, согласно которому один и тот же смысл может быть представлен в виде различных синтаксических представлений, зависящих от коммуникативного задания речи. На уровне словообразования такое представление называется синтаксической деривацией: производное слово отличается от производящего не своим лексическим значением, а синтаксическими свойствами.

Средством образования синтаксических дериватов в китайском языке является синтаксическая позиция слова в предложении или его сочетание со служебными морфемами. В древнекитайском языке основным средством синтаксической деривации была позиция слова, в современном используется как синтаксическая позиция, так и служебные морфемы. Так, в предложении древнекитайского языка *сяо гу бу пай ди да* «Малое безусловно не может мериться силами с большим» слово *сяо* «маленький» выступает в синтаксической позиции имени и поэтому приобретает именное значение «малое». Однако при этом оно не приобретает конкретной предметной референции: его референтом может выступить любой предмет, который характеризуется признаком «быть малым». Основой номинативной функции этого слова по-прежнему является признак качества. Предикативность семантики слова *сяо* «маленький» сохраняется и в любой другой его синтаксической функции.

Идеи лингвистической семантики напоминают нам о теории частей речи китайского языка, разработанной Г. Габеленцем сто лет назад. По Габеленцу, каждое слово китайского языка обладает основным значением, которое присуще ему неизменно. Наряду с ним оно может обладать также различными контекстуально обусловленными значениями и, соответственно, выступать в функции разных членов предложения. Эта теория была отставлена из-за того, что в рамках традиционных представлений о семантике слова его основное значение было невозможно отличить от всех остальных.

Поэтому в конечном счете оказывалось, что любое слово китайского языка может принадлежать любой грамматической категории.

Современная лингвистическая семантика различает глубинную семантику слова, которая составляет его постоянную характеристику в отношении конкретной референции и референтного класса. Однако на уровне синтаксической структуры предложения слово может быть представлено в качестве единицы любой грамматической категории в виде своих синтаксических дериватов. Приведенный выше пример из древнекитайского языка показывает, как слово с предикативной семантикой или с предикативным основным значением представляется в качестве номинативной единицы с помощью перемещения его в позицию имени.

Как уже упоминалось выше, средства образования синтаксических дериватов знаменательного слова в китайском языке являются его синтаксическая позиция или служебные морфемы. Для грамматики древнекитайского языка преобладающее значение имела синтаксическая позиция, в современном китайском можно встретить как тот, так и другой способы их образования. Правила синтаксической деривации в китайском языке весьма сложны и еще недостаточно изучены. В настоящее время можно указать лишь ее простейшие случаи.

Синтаксические дериваты от номинативных единиц представляют собой название действия, совершаемого с помощью соответствующих предметов: *gou* «крюк» — *gou* «зацеплять крюком, вязать крючком», *li* «плуг» — *li* «пахать». Синтаксические дериваты от предикативных единиц представляют собой название объекта действия или его результата: *ba* «держать» — *ba* «ручка, пригоршня, пучок»; *bao* — «обертывать» — *bao* «сверток». В некоторых случаях деноминативные дериваты имеют ярко выраженный экспрессивный характер: *ban* «палка» — *ban* «крепкий, хороший»; *chao* «мост» — *chao* «покоробиться, приобрести форму горбатого моста».

Синтаксические дериваты от двусложных слов современного китайского языка представляют собой название действия или его результата: *baowei* «охранять» — *baowei* «охрана», *bianxing* «деформировать» — *bianxing* — «деформация». Другим средством образования синтаксических дериватов являются различного рода параметрические глаголы: *da* «бить» + *dianhua* «телефон» — «звонить по телефону», *shan* «подниматься» + *in* «отражение» — «показывать кино», *sa* «опускаться» + *dian* «гостиница» — «останавливаться на ночлег», *qi* «поднимать» + *min* «имя» — «давать название» и т. п.

Семантический взгляд на части речи

китайского языка — как древнего, так и современного — в неявном виде присутствовал во всех эмпирических описаниях грамматики и лексики. Он особенно хорошо представлен в словаре современного китайского языка, составленном Институтом языкознания АОН КНР, который приводит все значения слов китайского языка во всех случаях их синтаксического употребления. Из него, как представляется, исходит и автор.

Взгляд на части речи китайского языка с точки зрения семантики слова исходит от говорящего, который переводит некоторый заданный смысл в речь или письменный текст. Эта точка зрения была представлена в первых описаниях грамматики китайского языка. С 30-х годов проблема частей речи стала рассматриваться с позиции слушающего, задача которого состоит в том, чтобы извлечь из речи или текста заложенный в нем смысл. При таком подходе к языку главным предметом исследования оказываются элементы грамматической формы, которые служат опорой при определении грамматических отношений между лингвистическими единицами. В этом случае каждое слово китайского языка удобно рассматривать как член формальной лексико-грамматической категории с определенными синтаксическими характеристиками: способностью сочетаться с определенными служебными и знаменательными словами, а также выступать в качестве определенных членов предложения. На основе этой теории было проведено множество полезных исследований и создан ряд грамматик современного китайского языка.

Очерченный выше семантический подход к проблеме частей речи в китайском языке не противостоит, а дополняет дистрибутивный, точно так же, как грамматика говорящего дополняет грамматику слушающего. Знаменательные слова китайского языка обладают глубиной семантикой, ИЛИ основным значением, но в синтаксической структуре предложения могут быть представлены в виде синтаксических дериватов в любой грамматической функции в зависимости от коммуникативного задания предложения. Поэтому в грамматике говорящего части речи — это функциональный класс, состав которого меняется в каждый момент речи. Так, например, в момент произнесения слова *siao* «маленький» в приведенном выше примере оно находится в функциональном классе имени, но в следующем предложении, где оно выступает в функции определения или сказуемого, оно будет находиться в функциональном классе предикатива. Его перевод из одного функционального класса в другой осуществлен с помощью синтаксической по-

зиции, изменение которой является знаком операции образования синтаксического деривата.

Для грамматики слушающего перво-степенное значение имеет как заданная синтаксическая позиция слова, так и его сочетания со служебными морфемами, на основании которых делаются выводы относительно грамматического значения каждого слова в отдельности. Лексико-грамматическая категория грамматики слушающего состоит из тех слов, которые чаще всего находятся в соответствующем функциональном классе. Однако семантическую однородность такого класса обеспечить невозможно. Имена *цяо* «мост» и *бан* «палка» при сочетании со служебными морфемами — *цяола* «покоробился» и *хэнь бан* «очень хороший» — будут включены в класс предикативов ввиду их способности сочетаться с указанными служебными морфемами, оформляющими предикативы.

Слова-заместители, образующие систему, параллельную функциональным классам или лексико-грамматическим категориям, обладают той важной особенностью, что всегда принадлежат своему классу и не могут перемещаться из одного в другой.

Грамматика говорящего состоит из словаря и правил грамматики, на основании которых любое слово может быть использовано в любом функциональном классе в зависимости от коммуникативного задания предложения. Грамматика слушающего имеет дело с результатами речевой деятельности человека, поэтому функциональной категории грамматики говорящего здесь соответствует лексико-грамматическая категория, состоящая из слов с определенными синтаксическими свойствами. Каждый синтаксический дериват в этой грамматике описывается как отдельное слово: *ба* «держат» — в классе глагола, *ба* «ручка» — в классе имени. В словаре синтаксические дериваты описываются как отдельные значения одного и того же слова, при этом не указываются грамматические процедуры их формирования.

Все современные грамматики китайского языка являются грамматиками слушающего. Именно поэтому влияние дистрибутивной теории частей речи столь сильно в китайском языкознании. Не умаляя достоинств и заслуг дистрибутивной теории перед китайским языкознанием, следует помнить о существовании лингвистической семантики, которая составляет основу грамматики говорящего в отличие от ориентированной на форму грамматики слушающего.

Исследования диалектов современного китайского языка развиваются с 20-х годов как в самом Китае, так и за его пре-

делами. Автор совершенно справедливо отмечает, что несмотря на обилие публикаций по диалектам китайского языка, особенно в последние годы, их все равно недостаточно для серьезных обобщений в этой области. Недостаток материалов является одной из основных причин того, что в китайской диалектологии господствует взгляд на диалект как на разновидность китайского языка, используемую в определенной административно-территориальной единице (уезд, провинция) или в ее части. Для того чтобы рассматривать диалект как разновидность китайского языка, характеризующуюся определенным комплексом признаков, ареал которой определен в соответствии с изоглоссами, представляющими территориальное распределение этих признаков, нужны исследования диалектов на уровне отдельных селений. Однако при этом следует заметить, что материалы по многим фонетическим явлениям диалектов группы гуаньхуа уже сейчас позволяют проводить достаточно достоверные изолинии. Среди них наиболее существенной является образованная пучком изоглосс лингвистическая граница вдоль реки Хуайхэ и Центрального горного пояса [3, 4].

Единицей классификации диалектов, которую предлагает автор, является группа, в состав которой в одних случаях входят несколько провинциальных диалектов, в других — диалекты одной провинции. В этом отношении автор полностью принимает в качестве исходной классификацию диалектов китайского языка, предложенную Юань Цзыхуа: гуаньхуа, У, Сян, Гань, Хакка, Юэ, Минь.

В основу описания диалектов китайского языка положен комплекс из десяти признаков, характеризующих диалекты со стороны фонетики, грамматики, лексики. Этими признаками являются: местоимение 3 л., определительно-именной суффикс, отрицание при глаголе, способ аффиксации морфемы, обозначающей пол домашних животных, наличие регистров различий в этимологическом ровном тоне, палатализация заднеязычных перед медиалью -i- и четыре слова — *чжань* «стоять», *цаоу* «ходить», *аргзы* «сын» *фанци* «дом».

Классификацию диалектов китайского языка он проводит по данным двенадцати диалектов крупных городов северного и южного Китая, распределенных более или менее равномерно по всей территории страны. Эти двенадцать диалектов образуют весьма крупноячеистую сеть, в каждой клетке которой предполагается более или менее однородная диалектная среда. Указанные десять признаков образуют матрицу идентификации, где каждый из

них принимает одно из двух значений + или —. Подбор признаков представляется очень удачным, но нуждается как в теоретическом, так и в эмпирическом обосновании.

Матрица распределения этих признаков достаточно убедительно показывает, что указанные семь групп можно объединить в более крупные единицы. Северная группа характеризуется наличием всех этих признаков. Южная — их отсутствием. Центральную группу образуют диалекты, где присутствует часть этих признаков. Северная группа целиком соотносится с традиционно выделяемой группой диалектов гуаньхуа, центральная группа состоит из диалектов У, Гань, Сян, расположенных в ареале к югу от Янцзы и вдоль ее южных притоков, южная группа — из диалектов Хакка, Юэ, Минь.

Обычная для европейской диалектологии классификация диалектов по комплексу признаков пока еще не приобрела популярности у китайских диалектологов, которые предпочитают ориентироваться на единственный критерий выделения диалектных групп. Так, глава современной диалектологической школы в Китае Ли Жун предложил классификацию диалектов группы гуаньхуа на основании единственного признака — наличия входящего тона. В соответствии с этим признаком в группе гуаньхуа выделяются диалекты Цзинь, распространенные в провинции Шаньси и на севере провинции Шэньси. По этому признаку они объединяются с диалектами южного ареала Гуаньхуа, хотя, очевидно, что по многим другим признакам они не относятся к этому ареалу.

Формирование комплексов признаков представляется перспективным направлением китайской диалектологии, к которому автор приступил, не ожидая публи-

кации исчерпывающих материалов по диалектам китайского языка. Можно не сомневаться, что как только появится возможность сформировать сеть опорных пунктов, делящую ареал китайского языка не на двенадцать, а на большее число квадратов, появится возможность провести изоглоссы и уточнить комплекс признаков диалектов. Границы между ними в этом случае можно будет провести на основе не административных границ, а лингвистических изолиний. Заслуга автора состоит в том, что его комплекс закладывает основания для таких исследований в будущем.

В краткой рецензии трудно остановиться на всех достоинствах книги Дж. Нормана «Китайский язык». Можно лишь в самой общей форме сказать, что эта книга представляет собой монографию лингвиста, активно работающего во многих областях изучения китайского языка, а потому сумевшего точно изложить современное состояние науки о китайском языке, вложив в это изложение оригинальное личное толкование большинства проблем, затрагиваемых в ней. Она подводит итог развития китайского языкознания за сорок лет и дает пищу для размышлений о путях его дальнейшего развития.

Софронов М. В.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Chinese language. N.Y., 1949. P. 68.
2. Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. М., 1965. С. 42.
3. Завьялова О. И. Некоторые вопросы лингвогеографического изучения фонетики гуаньхуа // ВЯ. 1982. № 3.
4. Астрахан Е. Б., Завьялова О. И., Софронов М. В. Диалекты и национальный язык в Китае. М., 1985. С. 106—114

Оглоблин А. К. Мадурский язык и лингвистическая типология. Л. Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 200 с.

Австронезисты давно ждали такой книги, как «Мадурский язык». Обескураживающей многочисленности австронезийских языков лингвистика обязана прекрасной школой сравнительно-исторических исследований; основоизолации, присущей этим языкам, — несколькими поколениями структуралистов, чье главное внимание было сосредоточено на синтаксисе. Авторы же, сочетающих эрудицию

лингвиста-компаративиста с проникновенностью дескриптивиста и фантазией типолога, одинаково легко преодолевающих все уровни языка, у австронезистки пока мало, и тем выше ценность книги А. К. Оглоблина.

Мадурский (далее МАД) — язык западной ветви (по Оглоблину, группы, с. 8) австронезийской семьи, включаемый в территориальную группировку индонез.